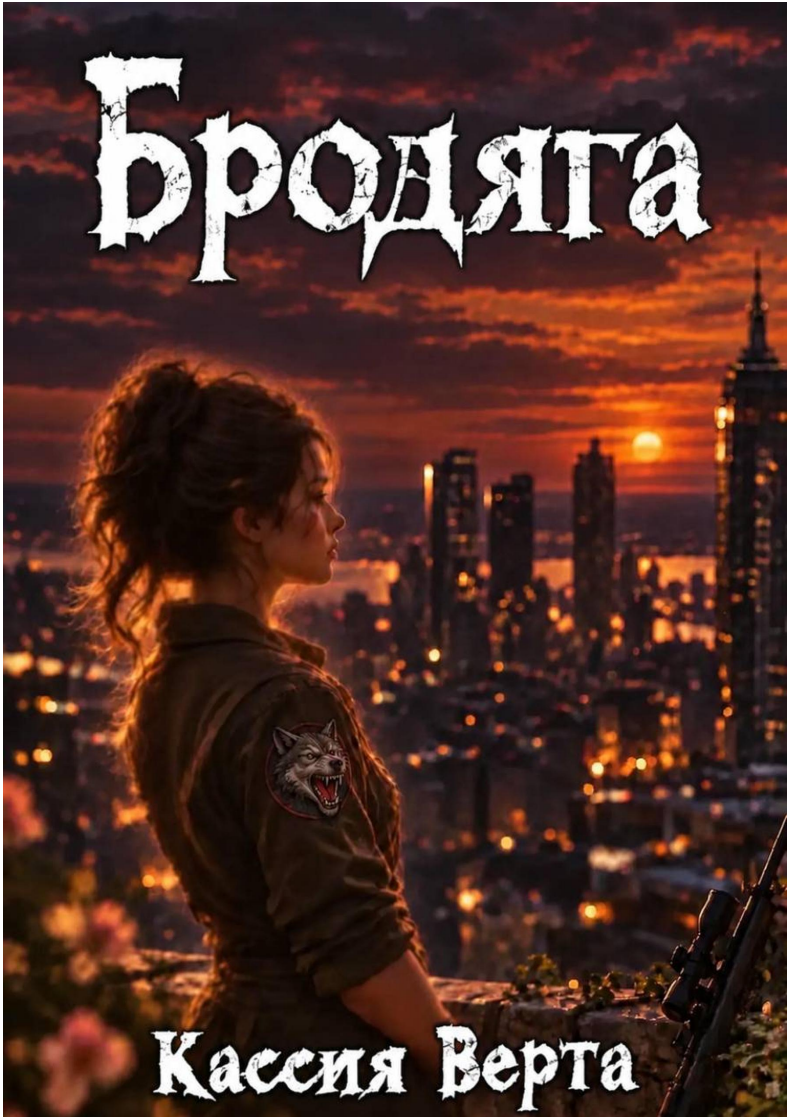

Бродяга
Кассия Верта

Кассия Верто
Бродяга

https://litres.ru/74911747
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где власть держится на стальных нервах и метких выстрелах, судьба решается в одно мгновение — и порой не нами.

Главная героиня, скрывающаяся под позывным «Бродяга», давно сделала свой выбор: её сердце и жизнь принадлежат Руслану Бекетову — беспощадному, холодному, непобедимому, с глазами цвета ночи. Ещё в детстве она поклялась всегда выбирать его — даже если этот выбор будет стоить ей всего.

Холодные приказы, едкие шутки, секунды, растягивающиеся в вечность, — и в центре всего этого женщина, которая готова поставить на кон собственную жизнь, лишь бы не дать никому сломать того, кому она принадлежит душой. Она спасает его, исчезает без следа и оставляет за собой загадку: почему не открылась сразу? Что за призраки прошлого она бережёт в тайне — и какую цену придётся заплатить, когда правда всё же выйдет наружу?

Это история о преданности, которая сильнее страха, о любви, граничащей с одержимостью, и о том, как один выстрел может изменить всё.

Содержание

Пролог 4
Глава 2. Пустырь. Настоящее. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Кассия Верто
Бродяга

Пролог

«Я поклялась себе, а я выполняю даже те обещания, которые даю себе сама»«Бродяга, мы на позициях» — эти слова прозвучали в наушнике, и по спине пробежал короткий, почти облегчённый холодок. Наконец-то. Мы не опоздали.Пустырь был голым, как лезвие ножа: ни кустов, ни укрытий, только серая пыль, ржавые куски арматуры и эти проклятые машины, выстроенные в жёсткий полукруг. Они перекрывали все пути отступления для него. Он стоял посреди этого кольца, широко расставив ноги, плечи напряжены. Без прикрытия, с одной машиной охраны. Даже отсюда, с крыши заброшенного склада, было видно, как он кипит от ярости. В его мире не принято заводить дружбу, но предательство товарища, с которым прошёл через ад, бьёт сильнее пули. Особенно если это сделано из-за денег.

— Ждём, пока все выберутся из машин — голос командира звучал ровно, будто мы обсуждали прогноз погоды, а не судьбу человека.— Принято.— Принято.— Принято.— Принято.Я сжала приклад винтовки чуть крепче, чувствуя, как холодный металл пробирает пальцы даже сквозь пер-

чатки. Машины замерли, двигатели заглохли, и на несколько секунд пустырь накрыла звенящая тишина. Потом двери начали открываться, и из них повалили бойцы Грибаева — чёткие, быстрые, но слишком нервные. Они знали, на что идут.Пока я наблюдала, отмечая каждую фигуру, в голове крутилась одна мысль: кому же ты перешёл дорогу? Кто так сильно захотел убрать Руслана Бекетова, что не побоялся бросить против него эту мини-армию? И главное — кто дёргает за ниточки самого Грибаева?

— Призрак, я хочу слышать, о чём они говорят, — прошептала я, не отрываясь от прицела.— Две минуты.— Принято.

Две минуты тянулись, как вечность. Я видела, как Грибаев нервно озирается, как его рука то и дело дёргается к кобуре. Он боялся его— иначе не притащил бы с собой столько людей.

— Готово, — голос Призрака прозвучал неожиданно спокойно.— Транслируй.

В наушнике щёлкнуло, и тут же раздался голос Грибаева — высокий, натянутый, будто струна:

— Как долго я ждал, чтобы увидеть это зрелище… Непобедимого Руслана Бекетова поставили на колени, и всё, что он может, — это просить о пощаде.

Злобная усмешка Грибаева слышалась даже через передатчик. ОН не опустился на колени. Он просто стоял, прямой, как клинок, и смотрел на Грибаева так, будто видел не

его, а что-то гораздо дальше, за горизонтом.

— Запомни, Грибаев, ты как был трусливым псом, так им и сдохнешь. Не от моей руки, так найдутся желающие прибить такую шавку, как ты, — стальной голос ударил по нервам, и я почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло на место. Да. Он снова пройдёт по лезвию ножа. Он всегда так делает.

Грибаев побагровел. Его лицо исказилось от ярости, и он поднял пистолет.— Готовность. По возможности обезоруживаем, если есть риск для него,то стреляем на поражение — я отдала приказ, сама уже приняв удобную позицию. Внутри, где-то под рёбрами, шевелился ледяной комок: если что-то пойдёт не так, я навсегда лишусь его и вместе с ним потеряю себя.— По возможности обезоруживаем... Ты бы ещё сказала, чтобы мы им колыбельную спели. Мне тут в зад упирается какая-то херь, а ты про возможности, — буркнул Мор и его ворчание, как ни странно, сняло часть напряжения.— Тебе всегда что-то мешает, Мор, даже если ты… Фраза оборвалась на полуслове — с пустыря грянули выстрелы. Слишком рано. Кто-то не выдержал.— Работаем! Всё пошло по плану, но быстрее, резче, злее. -Сукин сын,мой,не трогать! Он навел руку, чтобы выстрелить, но моя пуля нашла его запястье раньше. Он взвыл, пистолет выпал из ослабевших пальцев. Вокруг началась суматоха: бойцы метались, пытаясь понять, откуда пришёл выстрел, но не успевали сделать и пары шагов — их валили на землю один за другим.—

Трое готово.— Пятеро готово.— Четверо готово.— Мои тоже.Остался только Грибаев. Он крутился на месте, как загнанный зверь, его глаза метались из стороны в сторону, и в них плескался чистый, липкий ужас.Правильно мыслишь, шавка. Это твои последние минуты. Бекетов не прощает предательства.

—Рвем когти — кодовое слово прозвучало в эфире, и мы начали растворяться, забирая с собой улики, следы, тени.Я бросила последний взгляд вниз. Бекетов вдруг поднял голову, будто что-то почувствовал, и начал искать что-то глазами, словно пытался выщепить из воздуха мой силуэт. Не ищи меня. Ещё не время. Ты ещё не готов вспомнить призраков прошлого.Ветер подхватил пыль с пустыря и закружил её в маленьком вихре. А мы уже исчезли — как будто нас здесь никогда и не было.

Глава 2. Пустырь. Настоящее.

Пустырь ещё пах сгоревшим порохом, когда Руслан подошёл к телу. Тот лежал на боку, втянув голову в плечи — даже мёртвый он выглядел так, будто ждал удара. Руслан посмотрел на него без злобы. Злость прошла ещё раньше, когда он понял, человек, с которым он прошёл через ад горячих точек, продал его за деньги. Не за большую сумму — за привычную. За ту, из-за которой предают чаще всего: потому что можно.

— Машины собери, — сказал он Марку, не оборачиваясь. — Всех, кто с ним приехал, оформь как надо. Семьям — помощь. Мать его не забудь.

— Понял.

Люди Грибаева лежали по всему полукругу — пятнадцать тел, аккуратно, будто кто-то расставил их по шахматной доске. И это было не единственное, что не сходилось.

Руслан медленно повернулся, оглядывая пустырь. Пыль ещё оседала. Ветер таскал её по колеям, у ржавой арматуры. Никто не двигался. Охрана держала стволы наготове — против кого, никто не знал.

Пятнадцать бойцов. Уложены за минуты. Ни одного выстрела в его сторону. Ни одной потери с его стороны.

Он видел стрельбу. Он рос на стрельбе. Но эта была не из

укрытий, не сзади, не наугад. Это была работа, поставленная на потоке: раз — и человек падает, два — и второй не успевает понять, откуда пришла смерть. Как будто по пустырю прошла сама смерть и забрала тех, кто не заслужил иначе.

Кто-то его прикрыл.

Руслан знал все силы в городе. Он знал, кто чем дышит, кто с кем спит, у кого какие наводчики и сколько стоит минута работы профессионала. Здесь работали минимум пятеро. Так стреляют не враги. Так стреляют те, кто тебя охраняет.

— Меня не трогали, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. Просто мысли требовали голоса. — Всю дорогу — ни одной пули. Ни одного случайного свистка у уха.

Марк подошёл ближе.

— Может, им так надо было? Захотели, чтобы ты сам с Грибаевым разобрался?

— Захотели бы — ждали бы, пока я закончу. А потом сняли бы и меня. — Руслан качнул головой. — Нет, Марк. Кто-то снял их не за деньги и не по заказу. Кто-то снимал их, потому что я здесь стоял.

Он не сказал главное. Не сказал то, что уже полчаса крутилось в голове, как тень в углу: в ту самую минуту, когда пуля разворотила бойцу запястье за секунду до его собственной смерти, он поднял голову и поймал пустоту. Ни силуэта, ни блика. Только то чувство, которое не описать: что на него смотрели. Что где-то там, за ржавыми трубами, стоял человек и дышал с ним в одном ритме. И это чувство было зна-

комым. Очень давним. Он стоял на балконе, глядя на огни города, а рядом — женщина, о которой он не знал ничего. «Я твой друг, — сказала она тогда. — И я всегда буду там, где тебе понадобится опора. Даже если ты никогда не узнаешь, откуда она взялась». Тогда он не понял, что она имела в виду.

Сейчас — на пустыре, среди дыма и тишины, — слова вспомнились сами. Опора. Которая появилась ровно тогда, когда понадобилась. Которая стреляла по запястью, которое направили на него. Которая исчезла раньше, чем он успел поднять голову. Совпадение? В его мире совпадений не бывает. Бывают только нехватка данных.Но доказательств не было. Ни одного. И от этого догадка жгла сильнее, чем если бы он знал точно.

Он вернулся в офис за полночь. Город за окном горел ровным светом, послушный, вымеренный — его город, по его правилам. Он не смотрел на него. Он смотрел на экран, где медленно подгружались записи с камер. С пустыря их было семь. Плюс три подъездных, плюс две с трассы. Все должны были работать.

Ни одна не работала. Не «сломалась» — они просто перестали писать за сорок минут до начала. Все сразу. Разные сети, разные узлы, разные улицы. Это не случайность. Это — режиссура. Кто-то вырубил ему глаза ровно тогда, когда они ему понадобились. И сделал это так, что даже специалист не

отличил бы сбой от аварии.

Он закрыл ноутбук и позвонил Тимуру, своему стороннему товарищу, асу в мире технологий.

— Слушаю, — голос был бодрый, выспавшийся. Хорошо. Значит, не наигрался ещё.

— Пустырь, бывший строительный склад, второй километр по Восточной. Мне нужна полная картина. Откуда стреляли, сколько стрелков. Всё, что найдёте. И отдельно — кто это делал. Профессионалы, не уличные.

Пауза. Короткая — но Руслан научился слышать в этих паузах оттенки.

— Понял. Но сразу скажу: вряд ли что-то найдём. Люди, которые накрыли пустырь так, что даже твои камеры легли за сорок минут до начала, — следы не оставляют. Ты хоть понимаешь, что произошло? Пятнадцать бойцов — в ноль. Ни гильзы, ни волокна, ни отпечатка. Такое в этом городе никто не делает. У нас в этой сфере другие почерки. Эти — другие.

— Какие?

— Чистые, — просто сказал Тимур. — Очень чистые. Так убирают те, кому нечего терять. Я за такое браться не люблю.

— Ты берёшься не за то, что любишь. Ты берёшься за то, что я говорю.

— Есть. Доложу завтра , но не жди чудес.

Руслан положил трубку и посмотрел в окно. Город мерцал огнями — честный, уставший, засыпающий город, в котором

все знали, кто держит улицы. Никто из этих людей не знал, что полчаса назад на пустыре чья-то невидимая рука отвела от него смерть — и сделала это молча, без спроса, без счета. И он знал только одного человека, который обещал ему именно это. Опору. Неизвестно откуда.

Тимур позвонил раньше, чем обещал.

— Есть.

— Говори.

— Ничего, — голос Тимура звучал почти смущённо, как у мастера, которому подсовывают задачу выше его квалификации. — Пустырь как вымыли. Ни одной гильзы сверх тех, что оставили твои и грибаевские. Ни следа, ни волокна, ни цифры в записях. Сектор вычищен под ноль. Направления огня по ранениям — три вектора, значит, минимум троечетверо стрелков. Больше — ничего. Это — уровень выше всего, что у нас крутится.

— Имя?

— Нет имени. И не будет. Такие люди не появляются в базах. Они появляются, когда надо, — и исчезают, когда надо.

— Это много, — сказал Руслан.

Он положил трубку и долго сидел неподвижно.

Она не торговалась, не просила, не угрожала. Она просто сказала однажды: «Я твой друг. Я всегда буду там, где тебе понадобится опора». — И вот опора пришла. Ровно в ту минуту, когда без неё он бы не встал.

Он поднялся, прошёл к окну. Внизу город просыпался, его

город, его ритм, его артерии. А где-то в этом свете — в толпе, на остановке, за рулём, в подъезде, на крыше — двигалась она. Женщина, о которой он не знал ничего. Только то, что она была — и что она была не за него и не против него. Она была рядом с ним. И это было страннее всего.

— Найду тебя, — сказал он тихо, глядя на своё отражение в стекле. — Ты сказала, что бы я тебя не искал. Но я умею ждать. И искать.

Отражение молчало.

Но где-то в глубине — там, где город кончался и начиналась тень, — он почему-то знал: она уже слышала его. И она уже улыбалась — той улыбкой, в которой было и тепло, и что-то ещё, то, что он пока не мог назвать. И от этой улыбки — не видимой, воображаемой, придуманной им самим — у него внутри делалось что-то непривычное. Не тревога. Не азарт. Что-то тёплое. Что-то, чего он не чувствовал очень давно. Он не знал, как это назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.